

Оговорка об освобождении от ответственности в нефтесервисных договорах

В.Н. Ануров,
зам. директора юридического
департамента ООО «Сервисная
компания «ПетроАльянс»,
кандидат юридических наук,
LL.M (Dundee, Scotland)

Положения об ответственности нефтесервисных договоров часто испытывают на себе проявление творческой активности сторон, так как регулирование, установленное законом, не предоставляет моделей, которые могли бы удовлетворить интересы сторон. Поэтому стороны пытаются изобрести альтернативные способы распределения рисков и ответственности. Целью настоящей статьи является исследование спорных вопросов, возникающих в связи с применением оговорок об освобождении от ответственности в нефтесервисных договорах и осторожным отношением государственных судов при приведении их в исполнение. Статья также содержит краткое описание двух основополагающих дел — «Caledonia v. Orbit Valve» и «ООО «Оренбургская НГРК» против ЗАО «Газпромнефть Оренбург» по английскому и российскому праву соответственно.

Ключевые слова: оговорка о возмещении, принцип взаимного освобождения от возмещения ущерба, оговорка «удар за удар», распределение рисков и ответственности, оговорка об освобождении от ответственности.

Exoneration clause in oil service contracts

Anurov V.N.

Liability provisions in oil service contracts are frequently amenable to the parties' creativity, as statutory regulation does not provide those models which could satisfy the parties' interests. Therefore the parties try to invent alternative ways to allocate their risks and liability. This article is deemed to survey controversial issues arisen in connection with application of exoneration clauses in oil service contracts and the state courts' apprehensive attitude in enforcing them. The article also contains a brief of two seminal cases: Caledonia v Orbit Valve and Orenburg NGRK v Gazpromneft Orenburg under English law and under Russian law respectively.

Keywords: Indemnity clause, mutual hold harmless principle, knock for knock clause, allocation of risks and liability, exoneration clause.

Одной из главных задач, стоящих перед юристами сторон при проведении переговоров и последующем заключении договора в нефтегазовой отрасли, является распределение рисков в случае возникновения убытков у обеих сторон или одной из них. Традиционный подход к решению данного вопроса, закрепленный во многих правовых системах мира, исходит из так называемой оговорки «ремня и тисков» (belt and braces). Ее суть заключается в возмещении ущерба стороной, виновной в его причинении другой стороне.

Особенность добывающей промышленности, в отличие от других видов хозяйственной деятельности, проявляется в наличии элемента непредсказуемости возникновения рисков, связанных с инцидентами или авариями на производстве. Для сторон представляется затруднительным, а порой и невозможным установить причины, приводящие к негативным последствиям в виде причинения убытков, как то: воздействие абразивных или агрессивных веществ в скважине, обнаружение сложных геологических условий или каких-либо явлений, произошедших в недрах.

Традиционный подход к распределению рисков перестает удовлетворять потребности сторон, в связи с чем они стараются найти ему альтернативу, в качестве которой выступает защитная оговорка (shield). В данной ситуации, в отличие от оговорки «ремня и тисков», обязанность стороны по возмещению ущерба другой стороне возникает даже в случае виновности последней.

Чем же может быть объяснена эта, на первый взгляд кажущаяся, несправедливость? Ответ кроется в экономической обоснованности расходов, которые все участники производственного процесса: заказчик, генеральный подрядчик, субподрядчики — несут друг перед другом. Значительная часть таких расходов связана со страхованием имущества и гражданской ответственности перед третьими лицами. Получение всеми названными участниками страховых полисов, покрывающих один и тот же страховой случай, ведет к эффекту двойного, а иногда и тройного

страхования и, следовательно, к неэффективной трате денежных средств.

На устранение этого явления и направлена защитная оговорка, которая обычно не имеет одностороннего характера, а основана на принципе взаимного освобождения от возмещения ущерба (*mutual hold harmless principle*), или оговорка «удар за удар» (*knock for knock*). Смысл данных формул заключается в том, что каждая сторона несет ответственность за свой персонал и имеющееся у нее имущество независимо от вины. Причем режим ответственности может также распространяться на персонал и имущество подрядчиков, субподрядчиков, поставщиков и иных лиц, привлеченных этой стороной в связи с исполнением договора.

Эффективное применение принципа взаимного освобождения от возмещения ущерба сопряжено с созданием системы гарантий, обеспечивающих урегулирование претензий, предъявляемых одной из сторон или третьими лицами, и предоставления компенсации стороне, чьи интересы подпадают под защиту соответствующей оговорки (*indemnity clause*).

Соединение описанных выше принципов и оговорок составляет **альтернативный подход** к распределению рисков. Его особенность заключается в том, что он стал развиваться не путем внесения соответствующих изменений в нормативные акты, а посредством использования сторонами принципа диспозитивности, признаваемого в той или иной степени большинством национальных правовых систем. Как известно, английское право предоставляет сторонам наиболее широкие права по самостоятельному регулированию своих отношений и разработке договорных положений, поэтому альтернативный подход к распределению рисков был сформирован на основе прецедентов английского и шотландского права.

В деле «**Caledonia v. Orbit Valve**» суд впервые столкнулся с необходимостью дать оценку договорным положениям, согласованным сторонами и закрепляющим принцип взаимного освобождения от возмещения ущерба.

Суть спора между истцами и ответчиками заключалась в толковании оговорки о возмещении, а именно в распространении ее действия на случаи небрежности стороны, предъявившей требо-

вание о возмещении ущерба. Поскольку текст данной оговорки не содержал прямой ссылки на небрежность, перед судом стояла задача установить точное значение терминологии, используя тест лорда Мортон. Этот тест состоит из трех вопросов, которые должны быть разрешены в последовательном порядке.

Первый касается оговорки, не вызывающей особых трудностей, так как речь идет о явном выражении сторонами своего намерения предусмотреть взаимное освобождение от возмещения вреда, причиненного в результате небрежности одной из них. В таких случаях соглашение сторон подлежит безусловному исполнению.

При отсутствии явной ссылки на небрежность суд должен поставить перед собой вопрос: является ли использованная сторонами терминология настолько широкой, чтобы распространить действие оговорки на небрежность? И наконец, при положительном ответе на данный вопрос необходимо установить наличие каких-либо иных причин причинения вреда, в отношении которых нельзя сказать, что стороны желали применить защитный режим оговорки о возмещении.

В ходе судебного слушания представитель истцов г-н Айкинс пытался подвергнуть сомнению правомочность применения теста лорда Мортон. Суть его возражений сводилась к следующей опровержимой презумпции (*prima facie*): при отсутствии доказательств в пользу противного нельзя утверждать о вероятности ситуации, когда сторона соглашается освободить другую сторону от ответственности за небрежность или принять ответственность за последствия небрежности другой стороны. По мнению г-на Айкинса, предпосылка, содержащаяся в данной презумпции, не соответствовала принципу взаимности, лежащему в основе рассматриваемой оговорки о возмещении. Судьи апелляционного суда г-да Нейл, Белдам и Стейн заняли противоположную позицию. По их мнению, невероятность соглашения об исключении ответственности за небрежность сохраняется даже при двустороннем характере оговорки о возмещении.

Дело «**Caledonia v. Orbit Valve**» наглядно демонстрирует, какие преимущества и недостатки может иметь принцип диспозитивности: с одной стороны (и это подтверждается тестом лорда Мортон), декларируется принцип признания

Эффективное применение принципа взаимного освобождения от возмещения ущерба сопряжено с созданием системы гарантий, обеспечивающих урегулирование претензий...

Дело «Caledonia v. Orbit Valve» («The «Piper Alpha»)¹

Фабула дела	Согласно договору и заказу от 7 июня 1988 г. ответчики согласились предоставить сервисного инженера для ремонта предохранительных клапанов в газоконденсатном модуле на платформе «Piper Alpha». Другой стороной по договору выступали истцы, являющиеся совместными собственниками и фактическими владельцами платформы, а также операторами. 6 июля 1988 г. сервисный инженер г-н Квин погиб во время пожара. Его иждивенцы предъявили истцам претензию о возмещении ущерба. После того как согласованная денежная сумма была выплачена иждивенцам, истцы подали иск к ответчикам о предоставлении компенсации на основании оговорки о возмещении, предусмотренной в договоре.
Оговорка о возмещении	В соответствии с пунктом 10 (b) договора каждая сторона предоставит возмещение другой стороне <...> при условии, что другая сторона действовала добросовестно, по любой претензии, требованию, основанию иска, расходам или ответственности по возмещению убытков <...> возникшие по причине причинения вреда или смерти работника <...> возмещающей стороны, случившейся в результате или в связи с выполнением заказа.
Процессуальная история	Суд общего права вынес решение об отсутствии права у истца на возмещение, основанного на договоре. Апелляционный суд поддержал выводы суда общего права.
Решение апелляционного суда	<p>1. Пункт 10 (b) носил двусторонний характер и создавал взаимные права и обязанности, и цель данной оговорки заключалась в том, чтобы в каждом конкретном случае возложить ответственность на собственника имущества или работодателя потерпевшего в случае его смерти или причинения вреда его здоровью. В пункте 10 (b) отсутствовала какая-либо ссылка на небрежность. Несмотря на то что терминология данного пункта позволяла распространить сферу его действия на небрежность сторон, основанием для ответственности могли служить другие случаи, кроме небрежности. Пункт 10 (b) не следует толковать как распространяющий сферу своего действия на последствия небрежности сторон и их работников.</p> <p>2. Пункт 10 (b) следует рассматривать как применяющийся путем взаимных исключений и возмещений, согласованное распределение рисков. Правильное толкование пункта 10 (b) предусматривает, что каждая сторона должна нести и принимать риск собственной небрежности, и, если данный подход является правильным, условия о возмещении не применяются, если рассматриваемое событие произошло не только в результате нарушения стороной нормативных требований, но также и в результате ее небрежности.</p>

договорных положений, закрепляющих альтернативный подход к распределению рисков, с другой — недостаточная проработка оговорки о возмещении может таить в себя опасность иного толкования, на которое совсем не рассчитывала сторона, претендующая на получение возмещения.

Поскольку трагическая смерть г-на Квина произошла не только в результате небрежности работника компании-истца, но и в результате нарушения нормативных требований о безопасности, апелляционный суд отказал истцам в принудительном исполнении оговорки о возмещении. Несмотря на то что нарушение названных требований представляло собой следствие проявленной небрежности, широкой терминологии, использованной в оговорке о возмещении, оказалось недостаточно для распространения сферы ее действия на оба основания возникновения ответственности. Также не менее важной является оценка фактических обстоятельств, в рамках ко-

торых оговорка о возмещении подлежала применению. В частности, апелляционный суд обратил внимание на несбалансированность и несправедливость при распределении рисков в отношении персонала процессуальных оппонентов, так как со стороны истцов на платформе находилось много работников, а со стороны ответчиков — только один:

«В конечном счете представляется неправдоподобным по своей сути даже в такой двусторонней оговорке, как пункт 10 (b), что сторона была готова принять риск об убытках, возникших вследствие небрежности другой стороны, особенно когда отсутствует сбалансированность и равенство в рисках, связанных с небрежностью одного работника ответчиков и множества работников истцов»².

Дело «Caledonia v. Orbit Valve» оказало существенное влияние на практику заключения нефтесервисных договоров, особенно на разработку оговорки о возмещении. Общеизвестная формула стала дополняться фразой, указывающей на безусловное применение оговорки вне зависимости от небрежности и (или) нарушения нормативных или других обязанностей (irrespective of negligence and (or) breach of duty (statutory or otherwise)).

¹ E.E. Caledonia Ltd. (Formerly Occidental Petroleum (Caledonia) Ltd.) v. Orbit Valve Co.Plc [1994] 2 Lloyd's Rep. 239 1994 WL 1060956 (CA Civ Div), [1995] 1 A11 E.R. 174, [1994] C.L.C. 647, [1994] 2 Lloyd's Rep. 239, [1994] 1 W.L.R. 1515, 5-30-1994 Times 1060.956.

² Caledonia v. Orbit Valve. Ibid. P. 9.

Дело «ООО «Оренбургская НГРК» против ЗАО «Газпромнефть Оренбург» («Оренбург»)³

<p>Фабула дела</p>	<p>1 июля 2008 г. между истцом (подрядчик) и ответчиком (заказчик) был заключен договор на выполнение работ по бурению скважин. На одной из скважин было выявлено осложнение, которое являлось следствием сложных геологических условий проводки скважины. По мнению истца, данное осложнение повлекло увеличение сроков строительства скважины. Ответчик уведомил истца об отказе от выполнения работ и расторжении договора в связи с нарушением истцом сроков выполнения работ. Истец обратился с иском о взыскании упущенной выгоды в числе прочих исковых требований.</p>
<p>Оговорка об исключении ответственности</p>	<p>В соответствии с пунктом 14.1 договора ни заказчик, ни подрядчик ни при каких обстоятельствах, будь то нарушение договора или грубая неосторожность со стороны заказчика или подрядчика, не будут нести ответственность друг перед другом за упущенную выгоду, включая (без ограничения) убытки вследствие снижения добычи, утраты прибыли или от приостановки деятельности независимо от причины возникновения.</p>
<p>Процессуальная история</p>	<p>Суд первой инстанции вынес решение о взыскании упущенной выгоды, которое было оставлено без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций.</p>
<p>Постановление Восемнадцатого апелляционного арбитражного суда</p>	<p>1. Поскольку истцом заявлено о взыскании с ответчика убытков в виде упущенной выгоды в размере <...> рублей (согласованная сторонами общая стоимость работ превышала данный размер), удовлетворяя требования истца о взыскании упущенной выгоды, суд первой инстанции не нарушил положения статьи 717 Гражданского кодекса Российской Федерации.</p> <p>2. Согласованное сторонами условие в пункте 14.1 договора является ничтожным вследствие несоответствия его закону (ст. 168 Гражданского кодекса Российской Федерации).</p> <p>3. В силу пункта 2 статьи 9 Гражданского кодекса Российской Федерации отказ граждан и юридических лиц от осуществления принадлежащих им прав не влечет прекращения этих прав, за исключением случаев, предусмотренных законом.</p> <p>4. Право сторон требовать возмещения причиненных им убытков предоставлено им в соответствии со статьей 15 Гражданского кодекса Российской Федерации. Согласно названной норме права стороны имеют право в договоре лишь согласовать условие об уменьшении размера убытков в случае их причинения.</p>

Российское право в отличие от английского предоставляет сторонам гораздо меньше свободы в части реализации альтернативного подхода к распределению рисков в нефтесервисных договорах. Ярким примером тому является дело «ООО «Оренбургская НГРК» против ЗАО «Газпромнефть Оренбург».

Позиция, выраженная в постановлении Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда, в принципе повторяет мысль В.В. Витрянского, высказанную им еще в 1997 г. при определении общих пределов волеизъявления сторон:

«...право на защиту нарушенного права само является субъективным гражданским правом, и в этом смысле его осуществление подчиняется правилам, предусмотренным ст. 9 ГК, и в частности ее п. 2, согласно которому отказ граждан и юридических лиц от осуществления принадлежащих им прав не влечет прекращения этих прав, за исключением случаев, предусмотренных законом (но не договором!)»⁴.

Хотя В.В. Витрянский ссылается в своей аргументации и на другие нормы Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), в частности на пункт 1 статьи 1, пункт 1 статьи 393, при-

веденная цитата достаточно точно отражает перспективу применения альтернативного подхода к распределению рисков в российском праве. К сожалению, эта перспектива не кажется радужной. Продекларированная возможность для сторон моделировать свои отношения по возмещению убытков серьезным образом ограничивается применением специальных норм ГК РФ, если они не носят диспозитивный характер.

По всей вероятности, Восемнадцатый арбитражный апелляционный суд квалифицировал второе предложение статьи 717 ГК РФ именно как специальную норму, ограничивающую принцип автономии воли сторон. Исходя из его решения получается, что заказчик не может быть освобожден от ответственности возместить подрядчику убытки, причиненные прекращением договора подряда, в пределах разницы между ценой, определенной за всю работу, и частью цены, выплаченной за выполненную работу.

³ Общество с ограниченной ответственностью «Оренбургская нефтегазоразведочная компания» против ЗАО «Газпромнефть Оренбург» (решение Арбитражного суда Оренбургской области от 26 июня 2009 г. по делу № А47-2610/2009, постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 9 ноября 2009 г. № Ф09-8584/09-С4, постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 сентября 2009 г. № 18АП-7221/2009).

⁴ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М., 1997. С. 612.

Таким образом, по логике приведенного судебного решения ни пункт 1 статьи 15 ГК РФ, разрешающий сторонам предусмотреть в договоре возмещение убытков в меньшем размере, ни пункт 1 в совокупности с пунктом 4 статьи 401 ГК РФ, допускающим заключение соглашения об устранении ответственности за неосторожное нарушение обязательства, не могут служить основанием для отказа в применении второго предложения статьи 717 ГК РФ. Подобная трактовка названных норм неизбежно влечет утрату смысла любого соглашения сторон, направленного на изменение модели правоотношений, сформулированной законодателем.

Несмотря на удручающий эффект, произведенный постановлением Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда на сторонников альтернативного подхода к распределению рисков, преждевременно говорить о формировании устойчивой тенденции в судебной практике. Прежде всего, правовое обоснование точки зрения против применения оговорки об исключении ответственности содержит только цитирование известных формул и ссылку на правовые нормы, в которых они предусмотрены. В связи с этим очень сложно понять, какое условие в рассматриваемой оговорке нарушило строго установленный императив, что привело к такому драматичному последствию для ответчика, как признание ее ничтожной.

На ум приходят лишь два возможных варианта толкования, которыми могли руководствоваться судьи при вынесении решения. Первым является самый простой подход, заключающийся в признании второго предложения статьи 717 ГК РФ императивной нормой. Но в этом случае данный вывод вступает в противоречие с высказыванием одного из авторов теоретической конструкции, отраженной в судебном решении. М.И. Брагинский прямо говорит о распространении принципа автономии воли сторон на второе предложение статьи 717 ГК РФ:

«Редакция указанной статьи (ст. 717) позволяет сделать вывод, что стороны вправе предусмотреть в договоре увеличение либо, напротив, уменьшение размера компенсации, подлежащей выплате подрядчику на случай расторжения договора»⁵.

Восемнадцатый арбитражный апелляционный суд квалифицировал второе предложение статьи 717 ГК РФ именно как специальную норму, ограничивающую принцип автономии воли сторон.

Вторым возможным аргументом суда апелляционной инстанции может являться отказ в квалификации соглашения, исключающего ответственность сторон по возмещению упущенной выгоды, как договорного условия об уменьшении убытков. Такая позиция представляется также довольно спорной, поскольку предусмотренный сторонами взаимный запрет на предъявление требований о возмещении упущенной выгоды не препятствует им предъявить требования о возмещении реального ущерба. Таким образом, рассматриваемая оговорка может быть квалифицирована как соглашение об уменьшении убытков, что допускается всеми названными правовыми нормами.

В качестве практического совета сторонам, желающим ограничить свою ответственность в отличие от предложенной законодателем модели, можно рекомендовать использовать в соответствующей оговорке терминологию, прямо указывающую на уменьшение убытков. Представляется, что в этом случае у государственных арбитражных судах останется меньше оснований для квалификации такой оговорки как соглашения о полном освобождении от возмещения убытков.

Описанные выше судебные дела являются примером того, как договоренности сторон об исключении ответственности не были признаны и приведены в исполнение государственным судом. Причем негативный результат был получен в правовых системах, предусматривающих различные подходы к решению проблемы. Наделение сторон широкими полномочиями по самостоятельному регулированию договорных отношений не обеспечивает полную защиту сформулированной ими соответствующей оговорки, так как всегда остается опасность узкого толкования и, следовательно, отказа в применении оговорки к фактическим обстоятельствам, не упомянутым в ней.

Создание жесткой иерархии правовых норм и искусственных барьеров для применения принципа диспозитивности также не соответствует ожиданиям сторон по принятию предсказуемого судебного решения в том случае, если они пытаются изменить модель правоотношений, предложенную им законодателем. Остается только надеяться, что с течением времени судебная практика выработает универсальные подходы, которые будут четко сформулированы и, главное, будут удовлетворять интересам всех участников нефтесервисных договоров. □

⁵ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга третья. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М., 2002. С. 79.